

RU

Черты языковой личности пожарного как представителя профессиональной общности (на материале произведений М. А. Булгакова)

Бондаренко Е. Н.

Аннотация. В статье описываются особенности языковой личности в контексте её профессионального статуса пожарного на материале произведений М. А. Булгакова «Вьюга», «Пожар», «Золотые документы», «Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова», «Тайна несгораемого шкафа», «№ 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна». Научная новизна исследования состоит в том, что впервые была рассмотрена языковая личность пожарного в творчестве писателя и описаны многоплановые характерные для неё коммуникативные профессиональные паттерны, где большое место отводится самопрезентации с помощью невербальных средств, речевое поведение отличается двойственностью и противоречивостью; понятие профессиональная деформация применено к образам художественного текста; а также установлены особенности профессиональной идентичности в рамках художественного текста эпохи М. А. Булгакова. Отсюда цель работы представляет собой определение черт языковой личности огнеборца как представителя профессиональной общности с последующей конкретизацией содержания этих особенностей. Полученные результаты показали, что представленные в творчестве писателя образы пожарных приобретают разнообразные оценки в зависимости от их отношения к деятельности, что делает их то возвышенно-патетическими, то реалистичными, то отрицательными. При этом большую роль в самопрезентации пожарного приобретает его внешний вид, где форма ассоциируется с героизмом и внушительностью, а речевое поведение детерминировано идеей сохранения безопасности в мире, что, однако, в некоторых случаях приводит к профессиональным деформациям в виде бюрократизма, догматизма, гедонизма, установке на материальную компенсацию взамен чуда спасения. При этом речевыми характеристиками языковой личности пожарного в ситуации борьбы со стихией выступает лаконичность, императивность, резкость, где последняя обусловлена необходимостью преодоления опасности.

EN

Traits of a firefighter's linguistic personality as a representative of a professional community (based on the works of M. A. Bulgakov)

E. N. Bondarenko

Abstract. The article describes the characteristics of the linguistic personality in the context of their professional status as a firefighter, based on the works “The Blizzard”, “The Fire”, “Golden Documents”, “The Herculean Deeds of the Bright Memory of Fire Chief Nazarov”, “The Secret of the Fireproof Cabinet”, “No. 13. The Elpit-Rabkommuna House” by of M. A. Bulgakov. The study is novel in that it is the first one to examine the linguistic personality of a firefighter in the writer's works. Multifaceted, characteristic professional communicative patterns have been described. Emphasis is placed on self-presentation using non-verbal means, and speech behavior is characterized by duality and contradiction. The concept of professional deformation is applied to the images of a literary text. Moreover, the features of professional identity within the framework of the literary text of M. A. Bulgakov's era have been established. Therefore, the aim of the work is to define the traits of a firefighter's linguistic personality as a representative of a professional community, with subsequent specification of the content of these features. The results show that the images of firefighters presented in the writer's work acquire diverse assessments depending on their attitude to the activity, which makes them either lofty and pathetic, or realistic, or negative. At the same time, a firefighter's appearance plays a major role in their self-presentation, where the uniform is associated with heroism

and impressiveness, and speech behavior is determined by the idea of maintaining security in the world. However, in some cases this leads to professional deformations in the form of bureaucracy, dogmatism, hedonism, and an inclination towards material compensation in exchange for the miracle of rescue. Furthermore, the speech characteristics of a firefighter's linguistic personality in a situation of fighting the elements are brevity, imperativeness, and abruptness, the latter being due to the need to overcome danger.

Введение

Проблема исследования профессиональной языковой личности связывается с комплексным характером феномена, заключающимся в необходимости рассмотрения профессиональной практики речи и её художественного воплощения, а также с дальнейшим внедрением результатов наблюдения в образовательный процесс. Это обуславливает актуальность изучения языковой личности как представителя какого-либо профессионального сообщества, поскольку позволяет, во-первых, уточнить теоретические положения в структуре понятия «профессиональная языковая личность»; во-вторых, проанализировать существующие профессиональные стереотипы и связанные с ними деформации, что повлечёт одновременно обозначение и сохранение уникальной профессиональной лингвокультуры, а также создание новых эффективных моделей речевого взаимодействия в профессиональной среде, приводящее к повышению уровня профессиональной коммуникации и образования; в-третьих, развитие лингвоперсонологии требует большого количества данных о различных типах языковой личности, в особенности, с опорой на её профессиональный статус; в-четвёртых, представленные исследования будут полезны в сфере лингвоэкспертологии, опирающейся в автороведческой работе на данные о чертах профессиональной языковой личности.

В соответствии с этим задачами исследования являются: во-первых, выявить особенности представления образов пожарных в творчестве М. А. Булгакова; во-вторых, определить особенности их самопрезентации с помощью вербальных и невербальных средств; в-третьих, обозначить специфику профессионального взаимодействия в контексте профессиональных смыслов; в-четвёртых, охарактеризовать речевые особенности пожарных в творчестве М. А. Булгакова в ситуации осуществления профессиональной деятельности.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: конверсационный анализ, подразумевающий рассмотрение специфики речевого поведения и обнаружение коммуникативных паттернов; интроспекция, связанная с раскрытием эмоционального состояния героев; анализ стилистических особенностей речи действующих лиц, обусловленный их профессиональной деятельностью; моделирование как реконструкция черт языковой личности пожарного.

В качестве материалов исследования выступают произведения М. А. Булгакова.

Теоретической базой исследования стали работы В. Н. Денисенко, А. В. Денисенко, Е. Ю. Чеботарёвой (2016); И. Н. Воронович (2012); И. В. Комадоровой, Е. В. Кузнецовой (2013); А. П. Седых, Л. М. Бузиновой (2018); С. В. Мыскина (2013); Л. Н. Чуриловой (2011), затрагивающие различные аспекты проблемы языковой личности и её реализации в разнообразных дискурсах, а также труды Н. В. Кузиной (2016); Н. С. Поярковой (2005); И. В. Панко (2012); Я. И. Сухаревой (2018); К. С. Позднякова (2014); Е. А. Иванышиной (2012); Е. С. Ивановой (2014); О. В. Федунинской (2005), посвящённые творческому миру М. А. Булгакова.

Практическая значимость исследования сводится к возможности применения полученных данных в сфере профессионального образования и речевой подготовки служащих пожарной охраны; кроме того, эти сведения могут быть использованы в процессе преподавания филологических дисциплин, а также спецкурсов по профильным и непрофильным направлениям, например, «Языковая личность», «Русский язык в профессиональной сфере», «Профессионально ориентированная риторика», «Лингвистические технологии в публично-правовой сфере» и др.

Обсуждение и результаты

Проблема социальной идентичности языковой личности связывается с влиянием тех или иных общественных групп, к которым она относится и в которых себя реализует (Денисенко, Денисенко, Чеботарёва, 2016, с. 58, 64). В этом отношении речевое поведение и идеосфера языковой личности определяются социумом (Воронович, 2012, с. 245-246), что делает человека носителем коллективного сознания конкретной лингвокультуры (Комадорова, Кузнецова, 2013, с. 1733). Среди значимых общественных образований, подобным образом влияющих на личность, выделяется профессиональная группа: сформированный ей образ мира определяет не только деятельностное освоение профильных задач и знаний, но и формирование речевого поведения человека, его коммуникативных черт (Седых, Бузинова, 2018, с. 153). При этом значение приобретает как овладение человека специальным языком, оперирование профессиональными субдискурсами, так и соответствие личностных смыслов образам профессионального сознания (Мыскин, 2013, с. 156-157). Названные аспекты коммуникативной реализации личности получили отражение в художественной литературе, где персонаж как языковая личность представлен в различных видах деятельности (Чурилова, 2011, с. 6) и может выступать языковым воплощением профессионального статуса (Тимофеева, 2020, с. 86). Таким образом, рассмотрение языковой личности в контексте её профессиональной деятельности может быть произведено на основе художественных произведений.

Творчество М. А. Булгакова не является исключением в данном случае, поскольку в нём ярко представлена стратификация общества, где дифференциация значимости лица и/или группы связывается с профессиональной принадлежностью (Кузина, 2016, с. 119). Здесь представлены практически все: от властной вертикали работников науки и культуры до обслуживающего персонала и недееспособных лиц (Кузина, 2016, с. 121). Есть в творчестве писателя и строки, а то и целые произведения, посвящённые пожарным, правда, что характерно, несмотря на неоднократное обращение автора к образу огня, он получает достаточно широкую трактовку, демонстрирующую скорее символическое и метафорическое значение (Пояркова, 2005; Панко, 2012; Сухарева, 2018; Чжу, Юрина, 2020), чем обыденную интерпретацию стихии, требующей утилитарной борьбы с ней. Отсюда и отнюдь не возвышенные образы пожарных, появляющиеся в творчестве М. А. Булгакова, где исключением выступает лишь поэтические упоминание огнеборцев в рассказе «№ 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна»: «Эх, молодцы пожарные! Бесстрашные рыцари в золотокровых шлемах, в парусине. Развинчивали лестницы, серые шланги поползли как удавы» (Булгаков, 1985b, с. 374). Начатая с риторического восклицания «Эх, молодцы пожарные!» фраза не просто форма, противостоящая нейтральному повествованию, поскольку подобной экспрессивностью проникнут весь текст произведения, это стилистическая фигура, предназначение которой обычно сводится к характеристике чувств адресанта (Черникова, Крылова, 2022). И здесь, действительно, читатель сталкивается с выражением восхищения, восторга и одобрения, о чём свидетельствует междометие «эх» и народно-поэтическая номинация «молодцы» со значением «удали, храбрости, героизма», актуализирующая положительную оценку субъекта (Горина, Никульникова, 2022, с. 408). Наименование «рыцари» усиливает подобную семантику, подчёркивая уже не только душевные свойства личности, но и физические способности, здесь внутренние свойства сочетаются с уникальными внешними проявлениями (Горина, Никульникова, 2022, с. 408). Прилагательное «бесстрашные» связывается с проблемой героического, категорией, определяющей этику, одна из идей которой в русской лингвокультуре сводилась к служению Отечеству (Захарова, 2017), что в то же время совпадает с идеологией пожарной охраны как органа, существующего во имя спасения людей. В то же время в представленном описании очень многое связывается с внешней формой самопрезентации личности: «золотокровые шлемы» здесь не что иное, как часть рыцарских доспехов, выступающих непременным атрибутом титулованного лица, где облачение, закамуфлированность в броню – способ обозначения мировоззренческой позиции, утверждающей честь и доблесть (Солдатенко, 2007, с. 246). Отсюда в интерпретации М. А. Булгакова пожарный ассоциируется с древним воином, чьим символическим признаком выступает шлем, выполняющий в то же время функцию средства защиты не только от оружия врага, но и от воздействия опасных веществ (Бодриков, 2019, с. 498), последнее сопрягается с работой пожарного напрямую.

Характерно в этом отношении и представление пожарного автором в рассказе «Вьюга»: здесь форма самопрезентации героизма, воинского предназначения, обуславливающего борьбу со стихией, также связывается с головным убором: «Он вошёл и показался мне древним римлянином вследствие блистательной каски, надетой поверх ушастой шапочки» (Булгаков, 1982a, с. 72). Далее писатель утверждает впечатление героя произведения использованием этнонима и описанием внушительного вида огнеборца, а также головных уборов его коллег: «– Пожарный я из Шалометьева. Там у нас пожарная команда... – ответил римлянин» (Булгаков, 1982a, с. 72); «Пожарный герой заслонял от меня круп первой лошади» (Булгаков, 1982a, с. 73); «<...> Я открыл глаза, увидел, что сияет кровавый шлем, подумал, что пожар ...» (Булгаков, 1982a, с. 73); «<...> Встретили меня пожарные, и пламя танцует у них над головами» (Булгаков, 1982a, с. 74). При этом в тот момент, когда персонажу предстоит столкнуться с безмерными трудностями, связанными не столько с моральным выбором человека, перипетий взаимоотношений, сколько с борьбой за жизнь, противостоянием природе (от вьюги до дикого животного), изменения происходят даже в его внешнем виде, более того, внешние атрибуты обозначают весь ход мыслей, настроения и направленности, где основную роль снова выполняет головной убор: «Дорогую-то знаем, – очень печально ответил возница (шлема на нём уже не было), – а остаться бы переночевать... / Даже по ушам его шапки было видно, что он до смерти не хочет ехать» (Булгаков, 1982a, с. 76). Так, шлем в произведении сменяется на шапку, а этноним («римлянин») – на обозначение рода деятельности «возница», не являющегося в то же время прямым исполнением профессиональных обязанностей. Следовательно, грань личности, которая выступает формой самопрезентации человека в контексте его служебной деятельности, освещается М. А. Булгаковым с позиций демонстрации силы, мужества, готовности противостоять неопределённым явлениям окружающей среды и поддерживать боевой дух. При этом образ огнеборца не лишён эстетики: большое значение приобретает визуальная составляющая от внушительной фигуры до римского боевого наголовия, как выполняющего функцию защиты, так и несущего парадно-церемониальное значение (Негин, 2023, с. 655). Иными словами, значение у писателя приобретает невербалика, которая с той же степенью содержательности, что и словесное поведение человека, определяет его профессиональный облик, что в данном случае заключается в создании фасадного героического образа.

Есть, однако, в произведениях писателя описание пожарных, отражающее не только их демонстративную доблесть, когда огнеборцы обозначаются как истинные умельцы и в тушении пожара, и в различных видах деятельности, где требуется проявление силы, ловкости и смекалки. Так, в рассказе «Тайна несгораемого шкафа», по жанровой принадлежности определённом автором как «маленький уголовный роман», серые герои упоминаются в ситуации преследования преступника и совершения следственных действий. Например, для открывания несгораемого шкафа требуется приглашение огнеборцев: «У нас и инструмента такого нету. Местную пожарную команду надо приглашать, да и та не откроет, да и занята она: ловит баграми Хохолкова»

(Булгаков, 1985d, с. 318-319). А затем в их обязанности вменяются водолазные работы: «<...> Почему пожарная команда не может откопать его [Хохолкова] на дне местной реки?!» (Булгаков, 1985d, с. 321). И дело здесь не столько в универсальности инструмента, предназначенного для вскрытия и разламывания конструкций, затрудняющих проход, растаскивания балок, сдирания дощатой обшивки, то есть позволяющего зацепить что-то тяжёлое и потянуть его, воздействовать физически (Авдеева, Шкунов, 2013, с. 41-42), сколько в широком спектре обязанностей (Сенчук, 2009, с. 190). В трактовке М. А. Булгакова речь не идёт о каком-то героизме или чуде спасения, описывается обыденная речевая ситуация, которая интерпретируется как факт исполнения трудовых обязанностей. Однако в свете того, что произведение носит сатирический характер в силу пародийного описания растратчиков на фоне страсти к «роковой женщине» Маруське (Поздняков, 2014, с. 440), огнеборцы предстают как исключительно занятые люди, несущие тяжелую службу как в плане их загруженности, так и в плане расширения сферы выполняемых работ. При этом если говорить о самопрезентации, то здесь автор снова прибегает к невербальной составляющей, где за человека отвечают профессиональные действия, пусть и абсурдные в отношении основных обязанностей, а также атрибуты в виде инвентаря, необходимого для работы. Таким образом, в рассказе воссоздаётся образ огнеборца, транслирующего значимость своей профессии через проявления демонстрации занятости и владения специальными инструментами в ситуации, превышающей исполнение стандартных обязанностей.

В других произведениях М. А. Булгакова читатель столкнётся уже с принципиально иными характеристиками образов пожарных при всей априорной созидательности их профессии. Теперь они сами переходят в разряд растратчиков типа Хохолкова, а также описываются чуть ли не как гедонисты, которые ставят во главу угла сон, в данном случае выступающий в качестве формы наивысшего наслаждения.

Растратчики-пожарные появляются сразу в двух произведениях автора, практически повторяющих друг друга, – «Золотые документы» (часть «Брандмейстер пожаров») и «Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова». При этом ещё в рассказе «Вьюга» писатель акцентирует внимание читателя на фразе пожарного «озолотите меня» (Булгаков, 1982a, с. 80) и дело не столько в драматизме произошедшего, пережитом страхе, сколько в несовпадении облика человека, идущего навстречу стихии и опасности с бытовой интерпретацией его переживаний. Героем в самоотверженном смысле этого слова здесь предстаёт не пожарный, а молодой врач, сталкивающийся не только с полным гибельного риска трудом, но и с тотальным катаклизмом, таящим в себе опасности встречи с дикой природой (Тан, 2016, с. 67). При этом, несмотря на символический характер произведения, где пожарный в шлеме ассоциируется с сущностью сопровождающего в мир мёртвых (Иваньшина, 2012, с. 45), автор в финале рассказа актуализирует внимание читателя на реалистичной подоплёке образа – на первый план выходят социально-психологические черты огнеборца: здесь трусоватость и паника в экстремальной ситуации сочетается с меркантильностью, желанием компенсировать материально затраченные моральные ресурсы, когда чуда спасения недостаточно, большое значение приобретает денежный эквивалент. В данном случае чрезвычайные условия порогового положения раскрывают не доблесть и самоотверженность в личности, а расчётливость и мелочность. Это некоторое подобие характеристики «маленького человека», сетующего на судьбу и пытающегося приспособиться к жизни хотя бы с позиций рациональной выгоды (Жучкова, 2016). Таким образом, пожарный в рассказе М. А. Булгакова предстаёт как просящее лицо, отличающееся, скорее, мещанским мировоззрением, мотивированным не подвигом, а выгодой, что определяет противоречие между внешней формой самопрезентации и конформистскими поступками, демонстрирующими прагматизм и расчётливость, где спасение не чудо, а способ компенсации пережитого материальным ресурсом.

Эти свойства становятся ещё более очевидными в произведениях «Золотые документы» (часть «Брандмейстер Пожаров») и «Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова». Используя принципы правдоподобного бытописания, автор прибегает к документальной точности присланной жалобы, что позволяет сделать образ более достоверным, будто вышедшим из самой действительности (Хатнюк, 2025, с. 635). При этом здесь снова возникает контраст между внешним, ожидаемым и внутренним, реальным: от характеристики облика писатель приступает к описанию поступков, где, казалось бы, типичные атрибуты портрета огнеборца идут в разрез с его поступками. Портрет героя соответствует ни больше ни меньше описанию римского персонажа, обладающего качествами полубога во всемогуществе своём: «Вот это был Пожаров, так знаменитый Пожаров, чистой воды Геркулес, наш брандмейстер храбрый» (Булгаков, 1985b, с. 385); «Совершил брандмейстер ряд подвигов и сразу все убедились, что он чистой воды Геркулес – наш брандмейстер, храбрый брандмейстер можайский» (Булгаков, 1985a, с. 58). Так, у писателя постепенно внешняя форма самопрезентации сводится к внутренним проявлениям: будучи воплощением идеального человека, демонстрирующего формы и содержания – тела и души (Макарова, 2010, с. 242-243), мужественным и сильным созидателем военного ремесла (Чернышов, 2016, с. 8), Геркулес не просто героическая фигура, а персонаж, культивировавший поклонение огню (Макарова, 2010, с. 242), чьи подвиги обладают глубинным содержанием и мотивацией, что роднит его образ с самой идеей спасения человека всемогущим огнеборцем, вступающим в равные отношения со стихией. Однако подвиги героя М. А. Булгакова определяют не как свершение, обладающее ценностной значимостью в глазах окружающих (Трофимова, 2008, с. 317), светский героический поступок, совершённый в трудных обстоятельствах (Дидковская, 2019, с. 28), а как низкие поступки, продиктованные стремлением доминировать, отсутствием самокритики и алчностью. Поведение брандмейстеров Пожарова и Назарова отличается формализм и догматизм (разобрал железные печи, пытался уничтожить клуб, называя его «анти-пожарным» (Булгаков, 1985b, с. 385; Булгаков, 1985a, с. 58), разобрал на годовщину Октября пожарную машину

без возможности её восстановления), а также ненасытная жадность, которая влечёт за собой отказ от социального статуса (крадёт червонец и исчезает). При этом тема растраты экстраполируется не столько на личностные качества, сколько на свойства системы, где наделённое какой-либо властью лицо получает возможность блюсти корыстные интересы без ущерба для себя, продолжая осуществлять свою деятельность и дальше: «Говорили, видели будто бы, что Пожаров держал курс на станц. Х. подмосковную. Поздравляем Вас братцы подмосковники, будете вы иметь!» (Булгаков, 1985b, с. 386); «Ходили слухи, будто наш червонец держал курс на ст. Новоскольники <...> Поздравляем Вас, братики, ново-скольниковцы! Будете вы иметь!» (Булгаков, 1985a, с. 58). Даже само существование двух версий произведения, связанное, скорее, с совершенствованием стиля писателя, углублением иронии, создаёт ощущение движения-бытия героя во времени и пространстве, вездесущности образа, его типичности. Профессиональный аспект лишь высвечивает возможности реализации кипучей и активной натуры пожарных, пусть они и не борются с огнём напрямую, они обозначают аспекты отношения к пожарной безопасности, апеллируя к клише и лозунгам профилактической пропаганды, что, правда, позволяет действовать в своих интересах. Фраза «Клуб антипожарный, замок на него повешу!» (Булгаков, 1985a, с. 58) отражает не только демонстрацию власти и абсурдность действий в контексте борьбы с культурными учреждениями, но и пожарную логику, обусловленную профессиональными соображениями, когда исключение рисков определяется как прерогатива: «Предотвращение. Спасение. Помощь» – девиз МЧС России, где на первое место ставится способность не допустить причинения вреда стихией, что отражается и в лозунгах: «Предупредить легче, чем ликвидировать», «Пожар легче предупредить, чем потушить», «Спасём жизни – предотвратим пожары» и т. п. Следовательно, даже карикатурная форма описания образа пожарного обращает внимание читателя на созидательные идеи профессиональной деятельности: борьба за спасение жизни возводится в абсолют, пусть систему и представляют иногда меркантильные и корыстные люди с мещанским мировоззрением, что привносит в речевое поведение языковой личности пожарного транслирование догматизма, формализма и бюрократизма.

Пьеса «Пожар» актуализирует уже иные формы профессиональной несостоятельности, больше связанные с конформизмом, постулированием личного удобства и тщеславием. Произведение описывает случай с пожарной командой, которая даже необходимость работы рассматривает как помеху собственному благополучию – пожарные не просто не оказывают помощь, они спят, и именно этому посвящается вся их деятельность. Действие пьесы начинается со сна («Караул, горим! (Храп). Товарищ брандмейстер, гражданин Соловьёв, вставайте» (Булгаков, 1985c, с. 284)), развивается во время сна («Храп пожарных. За сценой слышно, как рушится потолок в пакгаузе» (Булгаков, 1985c, с. 285)), заканчивается сном («Раз потушили <без нас>, слава богу. (Ложится и засыпает). (Храп, тьма) (Булгаков, 1985c, с. 285)). Здесь, как и в других произведениях автора, сон выступает сюжетобразующим средством (Иванова, 2014, с. 243), однако если в художественном творчестве автора в целом сон отражает проблему границ условно-реального мира (Федунина, 2005, с. 90), где сон выступает формой исторической реальности (Иванова, Попова, 2014), то здесь функция сна становится характеристикой персонажей, а также описанием их бытия и бытия. Для брандмейстера в пьесе сон оказывается ведущим видом деятельности и главной ценностью настолько, что даже профессиональные обязанности отступают на второй план, а необходимость выйти из этого состояния вызывает агрессию по отношению к тем, кто её вызывает: «Какая гнида над ухом воеет? Ни минуты покоя нету; кто ты такой? <...> Какого же ты лешего людей будишь? А? Только что лёг, глаза завёл – на тебе! Дня на вас нету, пострелы. Чтоб тебя громом убило. Я б тебя... Трах! Тарах!! Тах... <...> Э, ты, я вижу, не уймёшься (швыряет в него сапогом), вон!...» (Булгаков, 1985c, с. 284-285). Использование уничижительных формулировок («гнида», «пострел»), фамильярное обращение на «ты», грубая оценка действий («какого лешего», «дня на вас нету»), применение угроз («Я б тебя... Трах! Тарах!! Тах...») и граничащих с проклятиями пожеланий («Чтоб тебя громом убило»), а также императивного междометия «вон», выражающего оттенок побуждения удалить реципиента прочь в резкой форме (Назари, 2011, с. 104), жеста удара сапогом свидетельствуют о прерогативе сна в самой структуре профессиональной организации деятельности, где давление среды воспринимается как враждебное, эта агрессивность и неповоротливость обращает к существующему мифу о бесконечной погруженности пожарных в сон, что в реальности сделало бы работу невозможной, ибо свидетельствовало бы о непригодности к службе подобного рода (Хлоповских, 2016, с. 34). Конечно, образы спящих пожарных доведены в данном случае до абсурда, поскольку они включают в себе полную утрату тех свойств, которые необходимы в чрезвычайной ситуации: демонстрируется потеря бдительности, отсутствие быстроты реакции, прерогатива сиюминутных личных ощущений перед глобальными проблемами борьбы со стихией, инертность. Характерно, что действующие лица в пьесе так и не узнают о произошедшем: «Спят они. Добудиться не можем» (Булгаков, 1985c, с. 285), – сообщает будивший брандмейстера Комаров, чем констатирует полную несостоятельность пожарной команды.

В то же время эти образы контрастируют с образами пожарных городской пожарной команды, быстро реагирующей на пожар, чьи действия озвучиваются лаконичными эмоциональными командами: «Сидорчук, качай. Качай, в мать, в душу... тара-рах... Осади! Рви его крюками. Федорец, дай в зубы этому мародёру. Публика, осади назад» (Булгаков, 1985c, с. 285). Здесь ярко проявляются профессиональные установки на быстроту, динамичность, активность в борьбе со стихией, что запечатлевается в речевых особенностях персонажей: повторения кратких призывов «качай», «осади», «рви», «дай»; восклицательная интонация; оборванность высказываний, указывающая на незаконченность фразы, дальнейшее движение мысли, неожиданность её течения, где вдох-выдох необходим для преодоления взволнованности, что обозначается посредством многоточия (Ильина, 2014, с. 12, 13; Букаренко, 2023, с. 471, 472); глагольное междометие «тара-рах», одновременно выражающее категориальную семантику процессуальности заключающуюся в мгновенности действия, а также

волеизъявления (Рябова, 2015, с. 48-49); привлекающие внимание обращения «Сидорчук», «Федорец», «Публика»; гиперболизация в виде угрозы «дай в зубы» как типичная форма обозначения действия – возмездия (Плотникова, 2017, с. 85), в данном случае влекущая предупреждение, исключающее помехи в работе; ругательства «в мать, в душу (в бога (душу) мать)», исключающие сакральный смысл слов и по причине чрезмерной уничижительности несущие в себе экспрессию интенсивного напряжения (Жельвис, 2015, с. 90-91). И дело здесь не только в описании происходящих событий, а в эмоциональном отклике на них: городская пожарная команда демонстрирует полную вовлечённость в деятельность, причём затрагивается и внутренний душевный ресурс, что представлено в их коммуникативном поведении, определяющем доминирующую роль в пространстве борьбы со стихией, отсюда и уместность грубых просторечных форм, фамильярность контактов, переходящая в ощущение близости, родства.

Осознание профессионализма и его ценности отражается и в репликах проснувшегося брандмейстера: фразы «Вот черти. И какие быстрые. И до всего им дело есть» (Булгаков, 1985с, с. 285), с одной стороны, выражают негативную оценку, где скорость реакции и умение граничат с навязчивостью и желанием тотального контроля, с другой стороны, актуализируют положительные свойства «конкурентов» – способность не просто быть в нужное время в нужном месте, но и произвести необходимые действия. Более того, подобная оценка отражает и вспышку тщеславия, когда за возмущением скрывается желание самому быть тем, кто подвергся осуждению, правда, последующие события снова погружают героя в инертное состояние, являющееся в данном случае ведущей характеристикой.

Таким образом, языковая личность пожарного у М. А. Булгакова получает сложную интерпретацию, проявляющуюся как на вербальном, так и на невербальном уровне её бытия. С одной стороны, пожарные наделяются чертами античных героев с их быстротой реакции, всемогуществом, впечатляющим внешним видом, с другой стороны, всё это нивелируется алчностью, бюрократизмом, инертностью и тщеславием. При этом неоднозначны и речевые характеристики действующих лиц: особенности борьбы со стихией описываются как в поэтичном, так и в просторечно-фамильярном ключе, где взволнованное восхищение соседствует со спокойным реализмом.

Заключение

Рассмотрение черт языковой личности пожарного как представителя профессиональной общности в творчестве М. А. Булгакова позволяет сделать некоторые выводы.

В своих произведениях писатель не даёт однозначной трактовки образам огнеборцев: они то описываются в возвышенно-патетических тонах («№ 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна»), то представляют собой людей, чья деятельность рутинизирована нехарактерными для неё обязанностями («Тайна несгораемого шкафа»), то противоречивы в своей внешней и внутренней ипостаси («Вьюга»), то наделены сугубо отрицательными свойствами, выражающими бюрократизм, алчность, ограниченность («Золотые документы (часть «Брандмейстер Пожаров»)), «Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова»), то гедонистичны до инертности («Пожар»), то реалистично воплощают быстроту, умение реагировать на вызовы стихии, обладают способностью быть в нужном месте в нужный час («Пожар»).

При этом большая роль отводится внешним характеристикам действующих лиц – они выступают формой самопрезентации профессиональных качеств через невербальную составляющую взаимодействия: облик римского героя в шлеме или рыцаря в броне отражает силу и внушительность, необходимую в борьбе со стихией, однако проявления душевной слабости и даже трусости приводят к утрате подобных портретных характеристик, демонстрируя иногда мещанское мировоззрение и нивелируя спасение как чудо.

Кроме того, большая роль отводится описанию профессиональных действий, отражающих двойственные характеристики, когда с абсурдом граничит универсальность, формализм и догматизм – с идеей о безопасности, а тщеславие и комфорт – с активностью и деятельностной компетентностью.

Всё это проявляется также в речевых характеристиках действующих лиц, избирающих доминантную позицию в диалоге: здесь снова есть место и грубости, и агрессивности, и угрозам, однако в контексте экстремальности эти свойства приобретают созидательное значение, когда огнеборцы демонстрируют традиционную профессиональную позицию, отступление же от нормы поведения получает ироничную оценку автора, что создаёт сложность образов: перед читателем живые люди, чья профессиональная деятельность требует определённой формы взаимодействия с миром.

Таким образом, в произведениях М. А. Булгакова языковая личность пожарного как представителя профессиональной общности заключает в себе сочетание различных черт: самопрезентация личности выражается посредством её внешности, речевое поведение связывается с идеей безопасности мира, борьба со стихией требует быстроты реакции, отражающейся в лаконичной, иногда грубой речи, где профессиональная деформация проявляется через догматизм постулатов и обозначение материальной ценности как ведущей.

Перспективами дальнейшего исследования в данном случае выступает описание черт профессиональной языковой личности пожарного в произведениях других авторов с учётом контекста эпохи, углубление изучения стилистических особенностей речи пожарных, отражённых как в художественном, так и в пожарнотехническом дискурсе. Подобный подход расширит границы теории языковой личности и поспособствует совершенствованию анализа, а также практики профессиональной коммуникации.

Материалы исследования | Research materials

1. Булгаков М. А. Вьюга // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Анн-Арбор, Мичиган: Издательство «Ардис», 1982a. Т. 1. Ранняя проза.
2. Булгаков М. А. Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Анн-Арбор, Мичиган: Издательство «Ардис», 1985a. Т. 2. Ранняя проза.
3. Булгаков М. А. № 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Анн-Арбор, Мичиган: Издательство «Ардис», 1985b. Т. 2. Ранняя проза.
4. Булгаков М. А. Золотые документы // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Анн-Арбор, Мичиган: Издательство «Ардис», 1982b. Т. 1. Ранняя проза.
5. Булгаков М. А. Пожар // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Анн-Арбор, Мичиган: Издательство «Ардис», 1985c. Т. 2. Ранняя проза.
6. Булгаков М. А. Тайна нескороаемого шкафа // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Анн-Арбор, Мичиган: Издательство «Ардис», 1985d. Т. 2. Ранняя проза.

Источники | References

1. Авдеева А. А., Шкунов С. А. Пожарное вооружение в начале XIX века и его роль в московском пожаре 1812 года // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2013. № 3.
2. Бодриков А. Б. Шлем, щит, меч – символические признаки концепта воина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-496-503>
3. Букаренко С. Г. Вербальное представление функций многоточия // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. Гуманитарные науки. 2023. № 1.
4. Воронович И. Н. Своеобразие языковой личности в лингвокультурной коммуникации // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы III Международной научно-практической конференции, Минск, 29-31 марта 2012 г. Мн.: Издательский центр БГУ, 2012.
5. Горина И. И., Никульникова Я. С. Оценочная номинация как маркер положительной характеристики субъекта в тексте // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-407-409>
6. Денисенко В. Н., Денисенко А. В., Чеботарёва Е. Ю. Языковая личность как отражение социальной и этнической идентичности // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29.
7. Дидковская В. Г. Подвиг, подвижник, герой // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2\(20\).28](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).28)
8. Жельвис В. И. Богохульство как речевой жанр // Жанры речи. 2015. № 2.
9. Жучкова А. В. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2016. № 1.
10. Захарова А. А. Понятие о чести и рыцарстве у русских дворян XIX – начала XX вв. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 15. № 1.
11. Иванова Е. С. Сон как характеристика героя в аспекте отношения к действительности (на материале произведений Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова) // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 2.
12. Иванова Е. С., Попова И. М. Организация и сюжетно-фабульная структура снов в пьесе «Бег» М. А. Булгакова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2014. № 1.
13. Иваньшина Е. А. Смерть Пушкина как ритуальный текст (пьеса «Александр Пушкин» и «врачебный» рассказ «Вьюга» М. А. Булгакова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4.
14. Ильина К. А. Соотношение между вербальными и графическими знаками в обыденном метаязыковом сознании: знаки конца предложения // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380.
15. Комадорова И. В., Кузнецова Е. В. Понятие языковой личности в культурно-коммуникативном пространстве. Характеристики идентичности // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-8.
16. Кузина Н. В. Словарь профессий в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Бюллетень науки и практики. 2016. № 8. <https://doi.org/10.5281/zenodo.60252>
17. Макарова Н. И. Геркулес как образ идеального человека // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4.
18. Мыскин С. В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-1.
19. Назари Ф. Т. Императивные междометия в русском языке // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 6.
20. Негин А. Е. О переделанных римских шлемах // Материалы по археологии и истории античности и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. <https://doi.org/10.53737/1707.2023.52.90.024>
21. Панко И. В. Образ огня в ранних рассказах М. А. Булгакова // Михаил Булгаков, его время и мы: коллективная монография / под ред. Г. Пшебинды, Я. Свежего. Krakow: Издательство “Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ”, 2012.
22. Плотникова А. М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта «угроза» // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2017. № 2.

23. Поздняков К. С. Мистика и повседневность в очерках и фельетонах М. А. Булгакова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2.
24. Пояркова Н. С. Дом и мир в прозе М. А. Булгакова. 2005. <https://m-bulgakov.ru/publikacii/dom-i-mir-v-proze-bulgakova>
25. Рябкова Н. И. Три вопроса относительно междометия // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. № 6.
26. Седых А. П., Бузинова Л. М. К вопросу о профессиональной личности журналиста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018. Вып. 41.
27. Сенчук О. А. Становление и эволюция пожарного дела в 20-е гг. XX в. на территории РСФСР // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1.
28. Солдатенко Н. В. Богатырство и рыцарство как полярные экзистенциальные концепции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44.
29. Сухарева Я. И. Особенности языковой организации рассказа М. А. Булгакова «Ханский огонь» // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 3.
30. Тан М. В. Художественное своеобразие «Записок юного врача» М. А. Булгакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1.
31. Тимофеева А. И. Образ и языковая личность учителя (на примере рассказов А. П. Чехова «Учитель словесности» и «Скучная история») // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020. Т. 2. № 3. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99>
32. Трофимова А. В. Аксиологическое содержание категории «подвиг» в пространстве русской культуры // Вестник Костромского государственного университета. 2008. № 4.
33. Федунина О. В. Форма сна и художественная память в романе XX века («Белая гвардия» М. А. Булгакова) // Новый филологический вестник. 2005. № 1.
34. Хатнюк А. В. Интертекстуальные стратегии в раннем рассказе С. Довлатова «Спасите наши уши!» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 2. <https://doi.org/10.30853/phil20250090>
35. Хлоповских Ю. Г. Синдром профессионального выгорания в деятельности сотрудника ГПС МЧС России // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2016. № 1-1.
36. Черникова Н. В., Крылова Н. С. Приёмы экспрессивного синтаксиса // Наука и образование. 2022. Т. 5. № 2.
37. Чернышов А. В. Культ Геркулеса-Магусана как фактор формирования батавской идентичности // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. Вып. 3.
38. Чжу Ч., Юрина Е. А. Символические и метафорические репрезентации концепта «огонь» в лексической структуре текста романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-4-70-79>
39. Чурилина Л. П. «Языковая личность» в художественном тексте: монография. М.: Издательство «Флинта: Наука», 2011.

Информация об авторах | Author information

Бондаренко Елена Николаевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Москва

Elena Nikolaevna Bondarenko¹, PhD

¹ Academy of the State Fire Service of MES of Russia, Moscow

¹ naturphilosophy@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2025; опубликовано online (published online): 24.07.2025.

Ключевые слова (keywords): языковая личность пожарного; профессиональная языковая личность; М. А. Булгаков; образ огнеборца; отражение языковой личности в художественном тексте; firefighter's linguistic personality; professional linguistic personality; M. A. Bulgakov; image of a firefighter; reflection of linguistic personality in a literary text.